ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА

УДК 371.315:57
10.17213/2075-2067-2020-6-234-244

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЫТ VS ИДЕЯ «ПЛАВИЛЬНОГО КОТЛА»: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

© 2020 г. ***Т. П. Матяш, Д. В. Матяш***

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования — *изучить роль национального быта в практической реализации идеи слияния культур, которая в XX веке обозначена метафорой «плавильный котел».*

Методологическую базу исследования *представляют герменевтические теории (Х.-Г. Гадамер); сравнительно-исторический метод и метод социально-культурной реконструкции, позволившие выявить общие закономерности влияния национального быта на процесс слияния культур; идеи славянофилов, связанные с рассмотрением влияния национального быта на процесс слияния разных по религиозным основаниям культур и др.*

Результаты исследования. *Реконструкция идей славянофилов и их последователей дает возможность утверждать, что быт («плавильный котел») более долговечен, чем породившая его культура, что смысловые наполнения форм быта устанавливаются не юридическим законом, а являются отражением идеального мира культуры, непосредственно связанного с религиозными установками тех или иных народов, а потому быт имеет нравственно-религиозное содержание, с которым должно сообразовываться не только внешнее поведение человека, но и его экзистенциальные состояния. Это придает понятию «национальный быт» социально-философское, а не только этнографическое, измерение. Национальный быт объединяет людей одной национальности, но обособляя их в этом объединении, становится своеобразным барьером для открытости людей другим культурам, без чего невозможно успешное осуществление процесса слияния культур. Это хорошо просматривается на примере существующих национально-этнических анклавов в Европе и Америке. Прозорливое предупреждение славянофилов, что внешнее заимствование быта не тождественно культурному слиянию, продемонстрировало свою истинность и в истории русской культуры, а его актуальность не утратила своей силы и в сегодняшнем мире.*

Перспективы исследования *заключаются в продолжении теоретико-методологических исследований проблемы влияния национального быта на смешение культур на материале современных процессов взаимодействия культур.*

Ключевые слова: *быт; культура; герменевтика; дословность; философия славянофилов; идея «плавильного котла»; мультикультурализм; национальная идентичность.*

NATIONAL LIFE VS THE IDEA OF A «MELTING POT»: SOCIO-CULTURAL ASPECT

© 2020 *T. P. Matyash, D. V. Matyash*

Don State technical University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study *is to study the role of national life in the practical implementation of the idea of merging cultures, which in the twentieth century was designated by the metafora «melting pot».*

Methodological base of research *are hermeneutische theory (H.-G. Gadamer); the comparative-historical method and socio-cultural reconstruction, which allowed to reveal General regularities of influence of the national life in the process of merging cultures; ideas of the Slavophiles associated with the consideration of the impact of national life in the process of merging different religious bases, cultures, etc.*

Research result. *Reconstruction of the ideas of the Slavophiles and their followers gives you the opportunity to claim that life (melting pot) more durable than it gave rise to the culture that the semantic content of the forms of life are not legal by law and are otrajeny-eat the ideal world of culture, directly associated with the religious attitudes of certain people, and because life has a moral-religious content, which must comply not only the external behavior of the person and his existential condition. This gives the concept of «national life» a socio-philosophical dimension, not just an ethnographic one. National life unites people of the same nationality, but separating them in this Association becomes a distinctive barrier to people's openness to other cultures, without which it is impossible to successfully implement the process of merging cultures. This is well illustrated by the example of existing national and ethnic enclaves in Europe and America. The far-sighted warning of the Slavophils that external borrowing of everyday life is not identical with cultural fusion has also proved true in the history of Russian culture, and its relevance has not lost its force in today's world.*

The research prospects *consist in continuing theoretical and methodological research of the problem of the influence of national life on the mixing of cultures on the material of modern processes of interaction of cultures.*

Key words: *everyday life; culture; hermeneutics; verbatim; Slavophil philosophy; the idea of a «melting pot»; multiculturalism; national identity.*

Введение. Увлеченность европейской и американской интеллектуальной и политической элиты идеей демократией, вера в ее способность решить практически все проблемы человечества породила в XX веке ставшую символом современной цивилизации идею «плавильного котла», получившую признание и распространение, прежде всего, в американской культуре. С величайшим оптимизмом Америка намеривалась сформировать американскую национальную идентичность путем культурного и биологического смешения мигрантов и иммигрантов [2], представляющих разные этносы, религии, культуры, с коренными американцами, в большинстве своем англосаксами [3, 15]. Метафора «плавильный котел» исчерпывающим образом выражает суть идеи формирования американской национальной идентичности [4, 13, 20]. Американцы верили, что реализация этой идеи приведет к воцарению мира и благоденствия в стране, решит все этнонациональные, религиозные проблемы, в частности, связанные с борьбой меньшинств, прежде всего национальных, за свои права и др. Вера в успех реализации идеи

«плавильного котла» подпитывалась существованием реального опыта смешения европейских народов. Считалось, что таким же образом произойдет смешение американцев (по сути, англосаксов) с представителями всех культур и религий, и образуется новая раса людей, чьи потомки изменят мир.

На первый взгляд, некоторое культурное смешение в Америке произошло, о чем свидетельствует формирование единообразия стилей одежды, пищи и ее потребления, предпочтений в сфере развлечений и других общежитейских практик. Произошло смешение музыкальных жанров. Так, негритянский блюз стал символом американской культуры, и его успешно исполняют белые музыканты. Наблюдающиеся столкновения между представителями разных культур и религий оправдывались оптимистической версией американских этнографов: надо спокойно пережить период становления национальной идентичности, которая завершится в третьем поколении мигрантов [2].

Оптимизм, связанный с верою в возможность «переплавки» народов Америки в новую американскую расу, потерпел крах в наши дни, когда мы наблюдаем, как нынешние и бывшие мигранты, ставшие уже гражданами США, пишут на стенах правительственных зданий: «Смерть Америке». Происходящий сейчас в Америке бунт мигрантов свидетельствует, что представители разных этносов, культур и религий не только не образовали новую американскую нацию, но сберегли и сохранили свои национальные и религиозные традиции, демонстрируя неприятие страны, принявшей их и уверовавшей в наличие у них желания слиться с американской культурой. Не состоялось претворение в жизнь и родившейся в Европе идеи «мультикультурализма», которая была смягченной и более реальной версией идеи «плавильного котла». Нежизнеспособность идеи «мультикультурализма» ясно продемонстрировали события во Франции, связанные с публикациями карикатур на пророка Мухаммеда. Кстати, камнем преткновения в реализации идеи «мультикультурализма» явился не только религиозный сепаратизм и фанатизм мусульман, но, как ни парадоксально, и абсолютизация Францией такой демократической ценности, как свобода слова.

Методология исследования. В статье используются основные принципы герменевтики Г. Гадамера, считавшего, что герменевтика не является методом социально-гуманитарного познания [10], а есть философия, задача которой состоит в отказе от процедуры объяснения и актуализации процедуры понимания, преодолевающей одностороннюю ориентацию на рациональное научное познание, присущее неокантианству и позитивизму. Понимание не есть метод познания, аналогичный естественнонаучным методам, требующим движения мышления исследователя по логике изучаемого объекта. Оно не есть знание, способное развиваться и переходить в некую более истинную форму вплоть до завершения познавательного процесса и обретения истины. Цель понимания — обнаружить смыслы в процессах общения, что предполагает сращивание живых традиций понимаемого и понимающего и является условием возможности их дальнейшего развития.

Наше обращение к процедурам понимания возможно в силу того, что быт есть некая первичная структура человеческого существования, онтологически нагруженная сознанием, делающим его способным к общению с теми, кто стремится понять его. Быт есть текст, но текст бессловесный, обретающий слово, когда высказывается через того, кто, существуя в сфере быта, знает его изнутри и владеет словом. Мы использовали идеи Ф. Гиренка, согласно которым русский бессловесный быт, «проговаривая» себя через философию славянофилов, стал словесным текстом, что и позволяет осуществить понимание его смыслов через тексты славянофилов. Понимание предполагает наличие двоякой открытости: тексты философии славянофилов должны быть открыты нам, а мы должны быть открыты им. Открытость предполагает доверие и духовную близость, что обеспечивается наличием у нас, понимающих, и у славянофилов, понимаемых, одного и того же религиозного опыта, а именно, православного, которым и был пронизан русский быт.

«Временной разрыв», существующий между философией славянофилов и нами, мы вслед за Х.-Г. Гадамером толкуем не как пропасть, мешающую пониманию, а как одну из продуктивных предпосылок понимания

прошлого, позволяющую рассматривать прошлое как такое событие, в котором коренится настоящее.

В процессе исследования использовались также сравнительно-исторический метод и метод социально-культурной реконструкции.

Результаты исследования. Излишний оптимизм по поводу успешной реализации идей «плавильного котла» и «мультикультурализма» есть в немалой степени следствие того обстоятельства, что эти идеи не прошли предварительного тщательного обоснования. Их авторы не изучили имеющийся в истории человечества опыт соединения, «сплавления» культур. А этот опыт был, ведь еще Екклесиаст говорил, что «нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1). Идеи «плавильного котла» и «мультикультурализма», попытки их реализации не новы, они не есть чисто американское и европейское изобретение. Например, в СССР накоплен опыт успешного мирного и добрососедского сосуществования различных национальных культур[1], что и является основным посылом идеи «мультикультурализма», но Европа в своей гордыне не обратилась к изучению этого уникального опыта.

Есть у России и опыт реализации так называемой идеи «плавильного котла», а также глубокие традиции аргументации pro and contra, но американские идеологи и культурологи «не заметили», а может, и не знали ничего ни об этом опыте, ни об его осмыслении. А зря. По-видимому, идея «плавильного котла» не стала бы столь радикальной и не вызвала бы такого оптимизма, если бы ее создатели были ознакомлены, например, с философией славянофилов, показавших на примере России, что национальный быт стал своеобразным барьером на пути слияния русской культуры с европейской.

История культурных заимствований свидетельствует, что легче и быстрее заимствуется быт как этнографический феномен. Это верно и по отношению к России. Нарядившись в немецкое и французское платье, причесавшись по-европейски, усвоив французский этикет салонных бесед, выучив европейские языки, представители русской элиты сочли себя стопроцентными европейцами. Но европейцы ощущали своим культурным чутьем, что русские, перенявшие их быт и бытовые привычки, все же находятся в каком-то ином духовном измерении, подобны «путешественнику, изучающему страну и народ из окна железнодорожного вагона» (Ф. Ницше), и потому не спешили признать их европейцами. Христианская Европа XVII–XIX веков с осторожностью воспринимала попытки близких им по религии русских «европеизироваться», поэтому вызывает изумление, что та же Европа в XX веке безоговорочно признала возможность слияния со своей культурой представителей далеких от христианства религий и культур. Конечно, немаловажную роль здесь сыграла идея существования «общечеловеческих ценностей», явившаяся плодом охватившей Европу просвещенческой веры в то, что разумность есть сущностное свойство всех людей.

Славянофилы так не считали, а потому заговорили о быте, который объединяет только людей одной национальности, мешая слиянию разных культур. Быт заимствовать можно, но заимствование чужого быта, как считали они, пагубно для человека, и, прежде всего, для сохранения им своей духовной цельности. Так, заимствованный европейский быт и русские традиционно-бытовые культурные начала, связанные с православной религией, плохо сочетались в человеке, что порождало раздвоенность его сознания. Противоречивое сочетание заимствованного чужого быта и русского православного религиозного опыта отмечал Г. Флоровский в персоне Ф. М. Достоевского, который «по быту» был «порождением страшного града Петрова (то есть Европы — Ред.), а «по культуре — отпрыск Оптиной Пустыни» [17, с. 102]. Сам Ф. М. Достоевский признавал, что «Россия вовсе была не Европа, а только ходила в европейском мундире, но под мундиром было совсем другое существо. Разглядеть, что это не Европа, а другое существо, и приглашали славянофилы, прямо указывая, что

1 Суть этого опыта обстоятельно изложена в докладе Генсека ЦК КПСС Ю. В. Андропова (доклад прочитан на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 года) [1].

западники уравнивают нечто непохожее и несоизмеримое» [7, с. 167]. Говоря о двойственности натуры Ф.М. Достоевского, Г. Флоровский, по сути, высказал свое убеждение в том, что заимствование иностранного быта не тождественно усвоению соответствующей культуры. Причину этого обстоятельства он видел в том, что быт и культура — разные феномены. Культура — это творческая стихия, и «ее нити перекрещиваются в неведомых тайниках человеческого творческого духа». Она мистична, «неосязаема и невещественна, а поэтому не поддается рассудочному анализу». Быт же — это «застывшая культура», и в нем угасают ее творческие силы [17, с. 102]. Другими словами, Г. Флоровский относил быт к сфере явлений этнографических, то есть явлений, принадлежащих предметно-вещественной сфере человеческого бытия, непосредственно связанной с удовлетворением потребностей в пище, одежде, жилище, отдыхе, развлечениях и т.д.

Славянофилы придерживались иного взгляда на сущность быта. С их точки зрения, представление о быте как «застывшей культуре» происходит от того, что живительная творческая сила культуры как бы «прячется» под формами русского быта, под вещественными формами которого скрываются невещественные живые творческие культурные смыслы, порожденные православным религиозным опытом. «Воздействие православия на народный быт состояло в культивировании внутреннего чувства, с которым должно было сообразовываться внешнее поведение» [5, с. 92–93]. Об этом же писал Д. Хомяков (сын А.С. Хомякова): «Быт (в широком смысле) особенно дорог потому, что он — отражение строя другого, высшего, идеального мира» [19, с. 177]. Национальный быт, а не невещественная, и потому неосязаемая культура, волнует сердце человека, заставляя его, живущего в пространстве быта иной культуры, тосковать по своему национальному быту. Даже бездомному Ф. Ницше был сердечно дорог быт. «Созерцание обстановки нашего детства, — писал он, — потрясает нас: беседка, церковь с могилами, пруд и лес — на все это мы смотрим, страдая… Здесь же все стоит еще столь тихо, столь вечно; лишь мы так изменчивы, так подвижны». Быт он называл «низшей культурой», но при этом писал, что «возвратясь к созерцанию низшей культуры, мы понимаем, что высшая культура (культура, в которой господствует научный разум — Т. М.) отнюдь не увеличивает количества счастья» [11, с. 387–388].

Русский православный быт, как свидетельствуют биографии и автобиографии славянофилов, являлся органическим способом их жизни, а потому они не рассуждали о быте умозрительно, отстраненно от его конкретики, а проживая деятельную религиозную жизнь, открывали глубинные религиозно-нравственные основы быта. И это было в полном соответствии с учением св. Максима Исповедника (VI в.): «Познавать нравственное невозможно чисто умозрительно: нужна деятельная жизнь, предполагающая исполнение заповедей Божиих». Только тогда ум «преуспевает в благоразумии», научаясь различать добродетель и порок [14, с. 230].

Осознав, что особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства, славянофилы заложили традицию рассмотрения быта не в сугубо этнографическом, а в социально-философском контексте. Тот факт, что быт, с одной стороны, представлен предметно-вещественно, а с другой — таит в себе скрытые смыслы породившей его культуры, проблематизирует культурное заимствование. Как правило, заимствуется утилитарно-практическое назначение предметов быта, вуалирующее живую «душу» культуры. «Ну, любит англичанин, — как писал А.С. Хомяков, — носить белый галстук. Он еще ходить не научился, а галстук нацепил. … Нам-то он зачем. У них кучер на козлах сидит во фраке… *И нам это непонятно. Потому что мы вовне. Живой стороны их жизни не знаем* (курсив Т. М.). Для того чтобы носить фрак и любить белый галстук, нужно жить с конституцией. Нужно быть уже англичанином. Тогда только поймем, зачем носить белый галстук. Но мы — русские, и невозможно в нас вселить то чувство, тот лад и строй души, из которого развиваются лютеранство и аристократия, и родовое чванство и презрение к людям и народам» [Цит. по 5, с. 64]. Примечательно, что впервые услышав американский джаз, который уже вошел в культуру и быт американцев, М. Горький воспринял его как «дикий визг, свист, грохот, вой, рев, треск; врываются не-

человеческие голоса, напоминая лошадиное ржание, раздается хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки; … и, послушав эти вопли минуту, две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных, они сошли с ума на сексуальной почве, а дирижирует ими какой-то человек-жеребец, размахивая огромным фаллосом» [6]. Такое восприятие джазовой музыки М. Горьким не было полностью ангажировано только политическими целями критики буржуазной культуры. Он искренне описывал свое восприятие джаза, так как никогда не ощущал действия африканских ритмов, не был знаком с афроамериканским фольклором. Чтобы понять смысл джазовой импровизации, надо было иметь опыт жизни африканских племен.

Та же ситуация и с попытками иностранцев понять русскую культуру, освоив русский быт, который вплоть до начала XVIII века творился монастырями, осуществляющими живое, постоянное религиозное просвещение русского народа, формирующего «вековые обычаи без писаных кодексов, исходящие из Церкви»[2] [9, с. 189–190]. Религиозное просвещение, исходящее из монастырей, формировало, например, определенные правила трапезы: не класть руки на стол, не рассказывать смешные истории и не смеяться, не оставлять крошки хлеба на столе и не смахивать их на пол и т.д. П.А. Флоренский, как и И.В. Киреевский, также считал, что «быт» русского народа порожден христианской религией. «Быть в обычности христианской» — значит «ходить в законе Господнем», когда «дом истинного христианина называется Церковью», а «обеденный стол — тот же престол. Обед есть продолжение обедни или, точнее, завершение ее». Отсюда и бытовые установления русского крестьянина: «нельзя облокачиваться на стол, класть руки на него, смеяться нельзя. [Не ударять по столу: стол — подножие Христово.] Детям не дают кусков, чтобы они не обронили крошку на пол и чтобы на нее кто-нибудь не наступил. Нельзя щипать хлеб или ломать одной рукой. Некоторые считают грехом резать хлеб ножом. Нельзя за столом ругаться, сквернословить, охальничать, даже болтать зря. — Есть надо благоговейно» [16, с. 416, 427]. Эти правила регламентировались не правовыми, гражданскими законами, а определялись тем, что «самая плоть русской души уже пронизана зачатком духовности, и острием ее выжжена некая точка, точка безусловности» [21, с. 386]. Очевидно, чтобы понять сполна скрытые смыслы бытовых правил, регламентирующих трапезу православного, иностранец должен иметь православный религиозный опыт. Иначе нельзя.

Органическая связь русского быта с православной религией делала быт крепким, пока был крепок в народе православный дух. Разрушение непосредственной изначальности религиозно-нравственных основ русского быта, начавшееся уже при жизни славянофилов, привело к коренным изменениям в нравах людей. В традиции, как писал И.В. Киреевский, почиталось, а не юридическим законом устанавливалось, «уважение к святыне правды», порождающее ответственное отношение к слову, и, как следствие, немногословность [9, с.16–17]. Это и понятно. Человеку, живущему традицией, не надо объяснять другим, почему он действует так, а не иначе. Он просто действует, ничего никому не объясняя и не требуя объяснений от других, ибо смысл действий изначально ясен и понятен всем. Поэтому-то Ф. Гиренок и считает, что быт формирует человека дословного. Дословный человек не есть личность, потому что личность всегда говорлива[3] [5, с. 58–59]. С разрушением быта изменилось отношение человека к слову, так как появилась потребность объяснять свои действия другим. Слова вытесняли бессловесность и немногословность, свойственную быту. Выпав из традиции, они потеряли онтологическую связь с божественной святостью, стали пустыми и легкими даже при произношении клятвы или присяги. Началась борьба слов со словом, и эта борьба уходила в бесконечность,

2 И.В. Киреевский признавал, что при рассмотрении быта следует учитывать племенные особенности, которые, как почва, могут ускорять или замедлять рост семян православия, или совсем заглушать их рост. «Но самое свойство плода зависит от свойства семени», а не от почвы, в которую это семя попало [9, с. 190].

3 С нашей точки зрения, дословный человек есть личность, но отличная от западноевропейского понимания сути личности.

так как «невозможно изобрести слово, не знающее поражения». Не связанные со святыней правды слова обрели своих владельцев, которые могли их использовать на правах личной собственности как им угодно: льстить, врать, сквернословить и т.д. В потере словом онтологической укорененности И.В. Киреевский видел причину того, что русский крестьянин «лжет за копейку барыша, за стакан вина, лжет из боязни, лжет из выгоды, лжет без выгоды». [9, с.74, 44, 54].

Сейчас часто употребляют выражение «быт заел», объясняя таким образом, например, распад семьи, тягу к алкоголю и др. Но здесь быт понимается не в его высоком смысле, а в его «низком» практически-утилитарном значении, содержание которого сводится к тяготам, связанным с зарабатыванием денег, приготовлением обедов, уборкой квартиры, необходимостью заниматься воспитанием детей и т.д.

Тема быта, которая «проговаривала» себя в философии славянофилов, помогает понять причины отторжения Западом философии славянофилов. Как известно, философию славянофилов на Западе не считают философией, и все потому, что славянофилы, замыкали свою мысль на традиции, на быт. Ф. Гиренок пишет, что любая «зацепившая» А.С. Хомякова мысль «уводила» его не в бесконечное странствование по пространствам метафизических спекуляций, «а в прошлое, к дословности быта и религиозного опыта» [5, с. 9–10, 55]. «Замыкание» мысли на традиции, на быт подпитывало мысль глубинными религиозными смыслами, такими, например, как «всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» [1 Пет. 2. 17], «возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную». Такое единомыслие есть основа литургического общения, и наоборот [18, с. 195]. В пространстве русского быта истинно человеческое естество мыслилось не «самовластным, а предназначенным к участию в божественной жизни, которая достижима только во Христе» [8, с. 16]. Этим объясняется тот факт, что человек, живущий в традиции, склонен не к логически абстрактной мысли, а к мысли цельной, которую И.В. Киреевский назовет «верующим мышлением». До конца же осознать суть цельности русского ума славянофилам помогли труды отцов Церкви, а потому И.В. Киреевский утверждал, что «коренной русский ум» сложился и воспитался учениями святых отцов Церкви [9, с. 188]. Славянофилы придали учению отцов Церкви о цельности духа философско-понятийную форму. Осознав специфику русской мысли, славянофилы поняли, что западноевропейская философская мысль иная: она замыкается только сама на себя, в ней одна мысль рождает другую, и так до бесконечности. Эта тема и станет одной из основных в критической оценке славянофилами западноевропейской философии.

Заключение. Осуществление американской идеи «плавильного котла» казалось состоявшимся, если брать во внимание внешние формы быта, такие как одежда, развлечения и другие виды повседневной жизни, Но, как мы показали, быт сложен, он двуслоен. Например, негритянский блюз, будучи музыкальной импровизацией, в которой негритянская душа стенала, исторгая из себя крик протеста против рабства и угнетения, стал исполняться белыми музыкантами, не имеющими негритянского опыта переживания рабства. Блюз в их исполнении стал способом демонстрации виртуозной игры на саксофоне и других музыкальных инструментах. Исполняя блюз, душа негра плакала, тогда как белый слушатель восторгался виртуозностью импровизации. Перефразируя А.С. Хомякова, можно сказать: чтобы понять блюз, надо быть негром, иметь исторический опыт угнетения и унижения. Пытаясь сохранять свои традиции и следовать им, мигранты и иммигранты формируют этнические анклавы, в каждом из которых преобладает один этнос. Родной быт согревает душу в чужой стране, объединяет мигрантов и иммигрантов. И это касается людей любой национальности, оказавшихся в силу разных причин за пределами своей Родины. Так, представители первой волны русской эмиграции, испытывая тоску по родному быту, первым делом строили православные Храмы, объединяясь в религиозно-православные общины, живя в них по обычаям предков, поэтому-то русские первой волны эмиграции не растворились

в западноевропейской культуре, сохранили русский цивилизационный код.

Влияние национального быта и традиций породило проблемы, связанные с укреплением союза социалистических республик в СССР, о чем говорил в 1982 году в своем докладе Генсек КПСС Ю.В. Андропов [1]. В результате политики партии, направленной на экономический и культурный прогресс всех наций и народностей, начался неизбежный рост национального самосознания. Советская идея «мультикультурализма» стала давать сбои, так как национальное самосознание, возвеличивание своего быта зачастую превращалось «в национальную кичливость или зазнайство, порождало тенденции к обособленности, неуважительного отношения к другим нациям и народностям». Для успешной реализации идеи сплоченности и дружбы народов в СССР, в отличие от политики французского президента Макрона, осуждались любые уничижительные и оскорбительные высказывания представителей одной нации или религии в адрес другой.

Быт более долговечен, чем породившая его культура. И.В. Киреевский отмечал, что и через сто пятьдесят лет после разрушения монастырей, формировавших основы православного быта, он продолжал существовать в русском народе. Главным разрушителем православного быта славянофилы считали либерализм. Поэтому-то К. Леонтьев, как известно, предпочитал социализм, который, как он пророчески предвидел, «подморозит» русскую культуру, отсрочит время ее либерального разложения. И действительно, социализм как бы пролонгировал некие православно-духовные традиции русского народа, правда, одев их в атеистическую форму. Это признает даже один из главных разработчиков либеральных реформ в России А. Чубайс. В полемике с другим «отцом» либеральных реформ П. Авеном он признает, что главная ошибка реформаторов заключалась в «непонимании того, чем русский народ отличается от других народов и чем Россия отличается от других стран», в забвении того, «что в России есть православие». При этом Чубайс подчеркнул, что речь идет не о православной Церкви, а о некоей глубинной основе русского менталитета, зародившегося еще в древне-православной традиции, согласно которой всеобщее выше индивидуального, частного. И потому в предложенной либералами дихотомии «Родина или свобода» русский народ выбрал Родину, а не свободу в ее либеральном смысле [12].

Итак, славянофилы показали, что невозможно осуществить «плавильный котел» из народов и племен разных бытовых традиций и религиозных верований, нельзя обольщаться внешним смешением быта, так как это смешение не тождественно культурному слиянию. По-видимому, можно говорить, что славянофилы оставили будущим поколениям в некоем роде завещание, содержащее предупреждение от чрезмерного оптимизма в отношении идеи слияния различных национальных культур, но с этим завещанием не пожелали ознакомиться авторы идеи «плавильного котла». Не учли этого завещания и русские младореформаторы 90-х годов XX века, хотя некоторые из них после неудачных реформ пришли, как видно из слов А. Чубайса, к коррелятивным идеям славянофилов. Но для народа и страны в целом было бы лучше, если бы русские младореформаторы знали об этих идеях до того, как ринулись ломать русский, уже ставший социалистическим, быт и традиции.

Литература

1. *Андропов Ю.В.* Шестьдесят лет СССР. — М.: Изд-во политической литературы. — 1982. — 64 с.

2. *Брук С.И., Козлов В.И.* Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Советская этнография. — 1970. — №6. — С. 3–20.

3. *Вуд Г.* Идея Америки. Размышления о рождении США. — М.: Весь Мир, 2016. — 432 с.

4. *Геллнер Э.* Национализм возвращается // Новая и новейшая история. — 1989. — №5. — С. 55–62.

5. *Гиренок Ф.* Патология русского ума (Картография дословности). — М.: Аграф, 1998. — 414 с.

6. *Горький М.* О музыке толстых [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://

diletant.media/articles/28681833/ (Дата обращения: 10.11.2020).

7. *Достоевский Ф.М.* Политическое завещание. Сборник статей за 1861–1881 гг. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 480 с.

8. *Иоанн Мейендорф.* Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. — М.: Когелет, 2001. — 431 с.

9. *Киреевский И.В.* Разум на пути к истине. — М.: Правило веры, 2002. — 661 с.

10. *Матяш Т.П., Матяш Д.В., Несмеянов Е.Е.* Объяснение, понимание, интерпретация. Учебное пособие. — Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2016. — 102 с.

11. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Соч. в двух томах. — Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — 831 с.

12. Петр Авен vs Анатолий Чубайс: Родина или свобода? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pyckue-cka3ku.livejournal.com/3249952.html; https://snob-ru.turbopages.org/snob.ru/s/entry/154564/ (Дата обращения: 9.11.2020).

13. *Согрин В.В.* Энциклопедия истории США. — М.: Весь Мир, 2018. — 480 с.

14. *Св. Максим Исповедник.* Вторая сотница о любви // Добротолюбие. — М.: АНО «Развитие духовности, культуры и науки», 2004. — Т. 3. — 557 с.

15. *Филиппенко А.А.* Иммиграционная политика США. Очерки истории. — М.: Весь Мир, 2018. — 232 с.

16. *Флоренский П.А.* Философия культа. — М.: Мысль, 2004. — 683 с.

17. *Флоровский Г., прот.* Из прошлого русской мысли. — М.: АГРАФ, 1998. — 431 с.

18. *Хомяков А.С.* Работы по богословию. — М.: Медиум, журнал «Вопросы философии», 1994. — 476 с.

19. *Хомяков Д.А.* Православие. Самодержавие. Народность. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 576 с.

20. *Чертина З.С.* Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000. — 163 с.

21. *Эрн В.Ф.* Сочинения. — М.: Правда, 1991. — 575 с.

22. *Юдина Т.Н.* Миграция: словарь основных терминов. — М.: Изд-во РГСУ; Академический Проект, 2007. — 472 с.

References

1. *Andropov Ju. V.* Shest'desjat let SSSR [Sixty years of the USSR]. — Moscow: Izd-vo politicheskoj literatury. — 1982. — 64 p.

2. *Bruk S.I., Kozlov V.I.* Jetnograficheskaja nauka i perepis' naselenija 1970 g. [Ethnographic science and population census 1970] // Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography]. — 1970. — №6. — Pp. 3–20.

3. *Vud G.* Ideja Ameriki. Razmyshlenija o rozhdenii SShA [The Idea of America. Reflections on the birth of the United States]. — Moscow: Ves' Mir, 2016. — 432 p.

4. *Gellner Je.* Nacionalizm vozvrashhaetsja [Nationalism returns] // Novaja i novejshaja istorija [New and recent history]. — 1989. — №5. — Pp. 55–62.

5. *Girenok F.* Patologija russkogo uma (Kartografija doslovnosti) [Pathology of the Russian mind (Cartography of verbatim)]. — Moscow: Agraf, 1998. — 414 p.

6. *Gor'kij M.* O muzyke tolstyh [About music of fat people] [Jelektronnyj resurs]. — URL: https://diletant.media/articles/28681833/ (Date accessed: 10.11.2020).

7. *Dostoevskij F.M.* Politicheskoe zaveshhanie. Sbornik statej za 1861–1881 [Political Testament. Collection of articles for 1861–1881]. — Moscow: Algoritm, Jeksmo, 2006. — 480 p.

8. *Ioann Mejendorf.* Vizantijskoe bogoslovie. Istoricheskie napravlenija i verouchenie [Byzantine theology. Historical trends and beliefs]. — Moscow: Kogelet, 2001. — 431 p.

9. *Kireevskij I.V.* Razum na puti k istine [Reason on the way to truth]. — Moscow: Pravilo very, 2002. — 661 p.

10. *Matjash T.P., Matjash D.V., Nesmejanov E.E.* Objasnenie, ponimanie, interpretacija. Uchebnoe posobie [Explanation, understanding, interpretation. Textbook]. — Rostov-on-Don: Izdatel'skij centr DGTU, 2016. — 102 p.

11. *Nicshe F.* Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Kniga dlja svobodnyh umov [Human, all too human. Book for free minds] // Nicshe F. Soch. v dvuh tomah. — Vol. 1. — Moscow: Mysl', 1990. — 831 p.

12. Petr Aven vs Anatolij Chubajs: Rodina ili svoboda? [Peter Aven vs Anatoly Chubais: Motherland or freedom?] [Jelektronnyj

resurs]. — URL: https://pyckue-cka3ku.livejournal.com/3249952.html; https://snob-ru.turbopages.org/snob.ru/s/entry/154564/ (Date accessed: 9.11.2020).

13. *Sogrin V.V.* Jenciklopedija istorii SShA [Encyclopedia of the history of the USA]. — Moscow: Ves' Mir, 2018. — 480 p.

14. *Sv. Maksim Ispovednik*. Vtoraja sotnica o ljubvi [The second centurion about love] // Dobrotoljubie. — Moscow: ANO «Razvitie duhovnosti, kul'tury i nauki», 2004. — Vol. 3. — 557 p.

15. *Filippenko A.A.* Immigracionnaja politika SShA. Ocherki istorii [Immigration policy of the USA. Essays on history]. — Moscow: Ves' Mir, 2018. — 232 p.

16. *Florenskij P.A.* Filosofija kul'ta [Philosophy of the cult]. — Moscow: Mysl', 2004. — 683 p.

17. *Florovskij G., prot*. Iz proshlogo russkoj mysli [From the past of Russian thought]. — Moscow: AGRAF, 1998. — 431 p.

18. *Homjakov A.S.* Raboty po bogosloviju [Works on theology]. — Moscow: Medium, zhurnal «Voprosy filosofii», 1994. — 476 p.

19. *Homjakov D.A.* Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost' [Orthodoxy. Autocracy. Narodnost']. — Moscow: Institut russkoj civilizacii, 2011. — 576 p.

20. *Chertina Z.S.* Plavil'nyj kotel. Paradigmy jetnicheskogo razvitija SShA [Melting pot. Paradigms of ethnic development in the USA]. — Moscow: Institut vseobshhej istorii RAN, 2000. — 163 p.

21. *Jern V.F.* Sochinenija [Essays]. — Moscow: Pravda, 1991. — 575 p.

22. *Judina T.N.* Migracija: slovar' osnovnyh terminov [Migration: dictionary of basic terms]. — Moscow: Izd-vo RGSU; Akademicheskij Proekt, 2007. — 472 p.

Поступила в редакцию *17 сентября 2020 г.*

Матяш Тамара Петровна — доктор философских наук, профессор Донского государственного технического университета. Специалист в области исследования онтологии, философии науки, философской антропологии, теории и истории культуры.

Matyash Tamara Petrovna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Researcher, Don State technical University. Specialist in the field of ontology, philosophy of science, philosophical anthropology, theory and history of culture.

344038, г. Ростов-на-Дону, пер. Автомобильный, 32, кв. 134
32 Avtomobilny ln., app. 134, 344038, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tamara.matiash@yandex.ru

Матяш Дмитрий Владимирович — доктор философских наук, профессор Донского государственного технического университета. Специалист в области исследования философии науки, философской антропологии, теории и истории культуры, философской танатологии.

Matyash Dmitry Vladimirovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Don State technical University. Specialist in the field of research of philosophy of science, philosophical anthropology, theory and history of culture, philosophical thanatology.

344103, г. Ростов-на-Дону, пер. Снеговой, 64
64 Snegovoy ln., 344103, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: matyashdv@mail.ru